

СЕЛЬСКОЕ МЕСТОРАЗВИТИЕ НАРОДА-СУПЕРЭТНОСА РОССИИ

Самсонов В.Б., д.филос.н., ИАГП РАН

Введён в оборот новый философско-практический подход к оригинальной евразийской концепции коренного извечно сельского месторазвития многонационального народа-суперэтноса России. В понятийном аппарате автора использованы следующие концептуальные категории исторического бытия российского села: месторазвитие суперэтноса, национально-культурный код, самореализация личности. Доказывается, что с незапамятных времён на практике при очередном разветвлении отечественной истории коренная для российской цивилизации сельская Россия предвосхищала и до сих пор предопределяет самобытную культуру управления месторазвитием отечественного суперэтноса.

Ключевые слова: Россия сельская, месторазвитие суперэтноса, североевразийское простираие, российская цивилизация, национально-культурный код, самореализация личности

RURAL LOCALIZATION OF THE PEOPLE- SUPERETHNOS OF RUSSIA

Samsonov V.B., dctor of philosophic sciences, IAGP RAS

A new philosophical and practical approach to the original Eurasian concept of the indigenous rural development of the multinational people-superethnos of Russia was introduced into circulation. In the author's conceptual apparatus, the following conceptual categories of the historical existence of the Russian village are used: the place of development of superethnos, the national cultural code, and the self-realization of the individual. It is proved that from time immemorial, in practice, with the next branching of the Russian history, the rural Russia, which is indigenous to the Russian civilization, anticipated and still predetermines the original culture of managing the development of the Russian superethnos.

Keywords: rural Russia, the place of development of the superethnos, the North-Eurasian stretch, the Russian civilization, the national cultural code, the self-realization of the individual.

Философы лишь различным образом объясняли мир,
но дело заключается в том, чтобы изменить его.

К. Маркс. Тезисы о Фейербахе, 1845 г.

Евразийская концепция месторазвития

Многообразие течений и предметов оригинальной евразийской концепции месторазвития никогда не мешало ей функционировать в едином русле социогеографических идей, глубоко укорененных в вековую российскую культуру. В качестве самобытного направления русской философской мысли евразийская концепция месторазвития суперэтноса России ярко освещает с помощью специального “топотемпомерного” анализа великое пространство российской цивилизации – северную часть целого материка Евразии. Иначе, в буквальном смысле слова почвой концепции евразийства служило и служит необъятное североевразийское простираие суперэтноса России. Несмотря на геосистемно-гуманитарные потрясения стран мира, вызванные текущим кризисом глобализации, западные границы месторазвития многонационального российского народа-суперэтноса продолжают, как и многие века назад, геополитически охватывать и контролировать почти весь Восток Европы, а его восточные границы – весь Север Азии.

Вместе с тем, ныне далеко нетривиальная и практически весьма значимая евразийская концепция социогеографического дискурса русской философии космизма довольно робко внедряется в университетские спецкурсы и исследования геосистемно-гуманитарного профиля. В последние годы автор имел возможность применить евразийскую концепцию при подготовке и чтении спецкурса «Философия бизнеса» в Саратовском государственном техническом университете имени Ю.А. Гагарина и соответствующих лекций на географическом

факультете в Саратовском классическом госуниверситете имени Н.Г. Чернышевского. Прежде всего, из-за финансовых и организационных трудностей заторможено философско-практическое применение евразийской концепции и распространение профильных научных изданий. Дело в том, что евразийская концепция русской философии по её научно-практическому предназначению просто не востребована реформаторами постсоветской России в связи с политической ориентацией правящей элиты на идеологические ценности про-американского рыночного фундаментализма.

Правящие не один десяток лет в постсоветской России неолбералы признают за доминанту радикального рыночного реформирования национальной экономики некую «невидимую руку» товарно-денежных отношений. Причём, в отношении народного хозяйства приносящая ведущую роль государства в стратегическом планировании (вертикаль власти), а на региональном уровне компетентность органов местного самоуправления (горизонталь власти). Неолберальные идеологи, видимо, делают ставку на абсолютное могущество зарубежных и отечественных рынков, бизнес-конкуренции и частного партнёрства. Так, в «лихие» 90-е годы во властной вертикали сверху донизу господствовала ориентация на шоковую терапию общества, бурю и натиск рыночных перемен.

Тем не менее, евразийская концепция свидетельствует о цивилизационной неизбежности месторазвития отечественного суперэтноса, жизнедеятельность которого охватывает практически все самоорганизующиеся геосистемно-гуманитарные сферы и структуры северо-евразийского пространства Российской Федерации. В состав этих феноменов по преимуществу сельского суперэтнического месторазвития входят и объективные структуры, и субъектная сфера – ноосферная ментальность человеческой личности. С позиций вводимого философско-практического подхода вполне корректно утверждать, что в рамках сложившегося за последнее тысячелетие централизованного российского государства на огромных территориях северной части Евразии закономерно действуют прямые и обратные синергетические связи между основными структурами и сферами космопланеты Земля.¹

Секрет успеха в проведении рыночных реформ в области национальной экономики и даже умеренной модернизации народного хозяйства постсоветской России состоит, по авторскому убеждению, в идеологическом применении обновлённой евразийской концепции рыночных реформ. Необходим будет синергетический эффект от актуализации и обоснования властных мер по применению евразийских концептуальных средств и исследовательских инструментов. Автор считает целесообразным соединить преимущества трёх универсальных научных дисциплин – философии, математики и истории – и вновь ввести в научный оборот философско-практический подход к весьма значимой евразийской концепции извечно сельского коренного месторазвития народа-суперэтноса России.

Разработанные авторской школой геосистемно-гуманитарных исследований общие принципы философско-практического подхода² необходимо применить в процессе обоснования и построения соответствующих математических моделей современного месторазвития многонационального российского суперэтноса. Первичным картографическим материалом для этого служит "Социальный атлас российских регионов", составленный специалистами Независимого института социальной политики (НИСП) под руководством директора региональной программы Н.В. Зубаревич для научной поддержки мониторинга (пост)кризисного развития России.³ Кроме того, среди изданных в последнее десятилетие монографий свою исключительную практичность и незаурядную философичность показала публикация о социальном пространстве жизни Россия регионов. Целенаправленно кафедра экономической и

¹ См. яркую философско-практического значения монографию член-корреспондента АН СССР, д. геол.-мин. наук: Худяков Г.И. Концепция ноосферных структур. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 112 с.

² См.: Проектирование геосистемы: от философии к практике / Самсонов В.Б., Ляпин А.В., Камышев А.П., и др.; под ред. В.Б. Самсонова и Д.В. Прохорова. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2007. – 240 с. В тексте 1 карта-схема, 5 рис., 5 табл.; в приложениях 3 докум., 5 карт-схем, 3 рис. 1 схема, 6 табл, 8 фотогр.; Простирание геосистемы: теория и практика / Самсонов В.Б., Донецкова Л.А., Камышев А.П., и др.; под ред. В.Б. Самсонова. – Саратов: Изд.НПЦ ЭМОС, 2008. – 163 с. В тексте 1 табл., 1 рис., 1 снимок, 7 формул.

³ Сайт НИСП: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml (дата общ. - 14. 04.2017 г.).

социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова адресовала её исследователям, управленческим работникам, преподавателям и студентам, а также всем, кому интересна социально-региональная проблематика.⁴

На первый взгляд, современная Россия кажется вполне городской, которой она закономерно стала в результате протекающих в XX веке объективных процессов индустриализации и урбанизации североевразийских территорий, особенно во время социалистического строительства Советского Союза. Тем не менее, из века в век доминирование села над городом в России регионов в предыдущее столетие продолжалось. Огромная сеть сельских территорий, на самом деле, продолжает доминировать на североевразийском простирании нашего Отечества по показателю абсолютной степени освоенности совокупной его территории целостной сетью наличных в стране сельских поселений. Да, горожане составляют по своей численности три четверти всего населения нынешней России. Но сколько среди них имеют приусадебный или дачный уклад жизни или фактически проживают в городском секторе индивидуальной жилой застройки, формально причисленной к городу. Сколько сельских поселений по тем или иным причинам просто числятся городскими поселениями. Сколько сельских пригородов оказались внутри городских агломераций и включены в городской образ жизни только благодаря «маятниковой» миграции (из дома – на работу, и в тот же день назад домой). Сколько сельской молодёжи годами проживает и учится в городах, не теряя тесных связей со своей малой родиной (*карта-схема*)⁵

Карта-схема⁶ - Неравномерность освоения к началу XXI века народом-суперэтносом России своего североевразийского месторазвития

⁴ Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём? Независимый институт социальной политики. Рук. Проекта Н.В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.

⁵ См.: Нефедова Татьяна. Городская сельская Россия Раздел Городская ли страна Россия7. URL: <http://polit.ru/article/2004/01/13/demoscope141/> (дата обраш. – 31.05.2018).

⁶ Источник: Социально-экономические типы регионов (по данным региональной программы Независимого института социальной политики). URL: <https://cyberleninka.ru/.../sotsialnyy-atlas-rossiyskih-regionov-nezavisimyy-institut-sot...>; Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? URL: <http://atlas.socpol.ru/graph/maps.pdf> (дата обраш. - 18.05.2015).

Целостность и масштабность доминирования сельского расселения в североевразийском месторазвитии многонационального суперэтнуса России закономерно проявляется в изменениях показателя плотности населения страны. Несмотря на всю историческую устойчивость социально-демографических и экономико-географических показателей месторазвития народа-суперэтнуса России, периодически происходили сдвиги и скачки в динамике плотности российского населения, значит, и в степени освоения территорий сельской России. В результате повторяющихся в отечественной истории разного рода природных катаклизмов и социально-политических революций периодически снижалась (например, из-за войн и голодоморов) абсолютная численность и плотность населения страны. И, как это ни парадоксально, затем также периодически расширялись североевразийские границы и увеличивалась общая площадь освоения российских территорий.

Такая интересная закономерность наблюдалась в начале XX века при распаде «краеугольных» расселенческо-поселенческих оснований Российской империи. К ряду ноосферно-синергичных потрясений российской цивилизации, видимо, следует причислить в качестве очередного перелома новейшей истории Евразии и радикальные рыночные реформы постсоветской России. Почти три десятка лет после распада СССР рыночное реформирование потрясает экономику и расселенческо-поселенческий каркас жизнедеятельности суперэтнуса России. А, значит, в её истории происходит очередное снижение показателей плотности населения и степени освоенности преимущественно сельского месторазвития нашего многонационального народа-суперэтнуса.

Национально-культурный код

Североевразийское простираие исконно сельской России породило своеобразный национально-культурный код российской цивилизации. Характеризуемый автором как «индивидуальный коллективизм» этот врожденный код заложен в генотип российской цивилизации с помощью алгоритма крестьянской культуры сельской России. Национально-культурный код суперэтнического крестьянства имеет глубинный смысл, сформированный исторически в недрах сохраняющейся ещё в XX веке в российских сёлах патронимии (семейный род по имени предков). Сохранение общинного строя крестьянской патронимии индивидуально-коллективного хозяйствования на землях предков, уже к 20-му столетию стало не свойственно западному крестьянству. Патронимические традиции стимулировали и до сих пор стимулируют синергичный (эмерджентный, мультипликативный) эффект североевразийского простираия сельской России, а также месторазвитие народного хозяйства и всего бытия российского суперэтнуса.

Национально-культурный код исконно коренной крестьянской России до сих пор не подавлен противоречивыми урбоиндустриальными и социо-экологическими факторами текущей глобализации. Этот код так называемого «индивидуального коллективизма» российского суперэтнуса не совмещается с ходом приватизации поземельных отношений крестьян-дольщиков, социально несправедливой олигархической капитализации и транснациональной колонизации современной Российской Федерации. Более того он противостоит этой глобалистской тенденции. Код «индивидуального коллективизма», видимо, является альтернативой капиталистическому коду «коллективного индивидуализма». Он требует особого философско-практического подхода к осмыслению последствий демографического взрыва, научно-технической революции и информационно-коммуникационных феноменов посткнижной культуры человечества. Недаром, в своей широко известной книге «Земля на чаше весов» А. Гор прогнозирует подлинный исторический тупик современного месторазвития рыночно-потребительской цивилизации Америки.

Среди локальных цивилизаций космопланеты Земля сельское по преимуществу месторазвитие российского суперэтнуса выделяется своим огромным североевразийским простираием – до 10 тыс. км по долготе и около 3 тыс. км по широте. Одновременно по соседству с отечественной цивилизацией, наряду с «северами» огромного континента Евразии сложилось несколько мировых культур (Западная Европа, Кавказ, Ближняя и Центральная Азия, Индия, Монголия, Китай). В ходе своей более чем тысячелетней истории российская цивили-

лизация выработала свой особый неповторимый в мировой истории национально-культурный код. Под всепроникающим влиянием этого кода «индивидуального коллективизма» в силу своего североевразийского месторазвития многонациональный народ-суперэтнос Россия веками поддерживал с окружающим миром торговые, этно-территориальные и социокультурные связи. Это происходило и благодаря проходящему через российские сельские территории Великому торговому шёлковому пути из Китая в Европу. Смешивание и взаимопроникновение мировых культур в североевразийском месторазвитии суперэтноса России усиливалось тысячелетиями в ходе ведения междоусобных войн и во встречных направлениях миграций целых народов по равнинам, плато, плоскогорьям и нагорьям от Дальнего Востока до границ Западной Европы.

До сих пор код «индивидуального коллективизма» коренного сельского месторазвития российского суперэтноса распространяется в официальной жизни и в общественной среде всех народов и национальностей северной Евразии. В Российской империи этот национально-культурный код, по мнению автора, нашёл повседневную конкретизацию в противостоящих друг другу социально-классовых обращениях «господин» и «товарищ». В постсоветской России, кстати, в либеральных условиях перехода гражданского общества к противоположному коду «коллективного индивидуализма» стало реанимироваться обращение «господин». По советской традиции коллективистское обращение «товарищ» в криминализированной среде пытались вытеснить сомнительным обращением «братки». В постсоветском обществе в практике товарно-денежных отношений кодовый смысл капиталистического «коллективного индивидуализма» бизнесменов выразился в англоязычной терминологии западного менеджмента и маркетинга (конкурент, партнёр, персонал, контрагент, ризлтер, банкрот, и др.).

Североевразийское простираение сельской, а по сути, крестьянской России на рубеже XXI века, как и в предыдущие переломные и смутные времена месторазвития российского народа-суперэтноса, испытало на себе потрясающее ноосферно-синергичное воздействие рыночных перемен под утопическим лозунгом «Фермер накормит Россию». Однако этому «воспротивился» национально-культурный код «индивидуального коллективизма» (последнее слово – существительное, а первое слово всего лишь прилагательное). Дело в том, что по своей социально-эколого-экономической природе код «индивидуального коллективизма» порождён исторически стойкими общинными и артельными традициями расселения и освоения сельских территорий России в особо просторных, но вместе с тем и суровых природно-климатических условиях Северной Евразии.

Ныне ключевое для кооператоров и фермеров, да и всего предпринимательства на землях сельской России обращение «товарищ» тесно связано в кодовом контексте «индивидуального коллективизма» с (над)коллективистским смыслом православного слова «господь», в котором отражается зависимость деятельности и благополучия крестьянства от наличия больших, стоит сказать, «божеских» рисков освоения природно-ресурсного потенциала североевразийских земель сельской России. И от удалённости её этно-территориальных ресурсов от контроля централизованной государственной власти: власти «местной тьмы» – от «центра тьмы власти».

При этом традиционная авторитарная культура государственных и муниципальных органов управления – отнюдь не гарантия предпринимательского успеха. Тем более, сказываются исторические традиции: предпринимательская вольница казаков и отчужденность от официального православия староверческих общин. Для морального укрепления своего предпринимательского духа засельщики и застройщики российских земель ввели в национально-культурный код своей предприимчивости православные обряды, старозаветные выражения и поговорки. Такие, например: судьба (суд Божий), спасибо (спаси Бог), совесть (есть и глас Божий), прощение (Бог простит), счастье (со-частье), не дай Бог, от суммы и тюрьмы не зарекайся, и т.д.

Влияние исторических традиций сельского месторазвития российского народа-суперэтноса и кодового мировоззрения и менталитета «индивидуального коллективизма» сельской России, так сказать, пронизывает весь современный образ жизни многонациональ-

ного суперэтнуса России. Порой даже профессиональные историки и географы задают сакраментальный вопрос – городская ли страна Россия? Компетентный и авторитетный специалист Татьяна Нефёдова даёт однозначный ответ: «По «бытовой» урбанизации Россия ближе к Мексике, чем к США или Франции. Между городом и деревней живут от одной десятой до одной пятой россиян. Более трех четвертей территории Европейской России имеют слишком низкую плотность сельского населения. Низкая плотность населения не способствует эффективности сельского хозяйства» (рис. 1).⁷

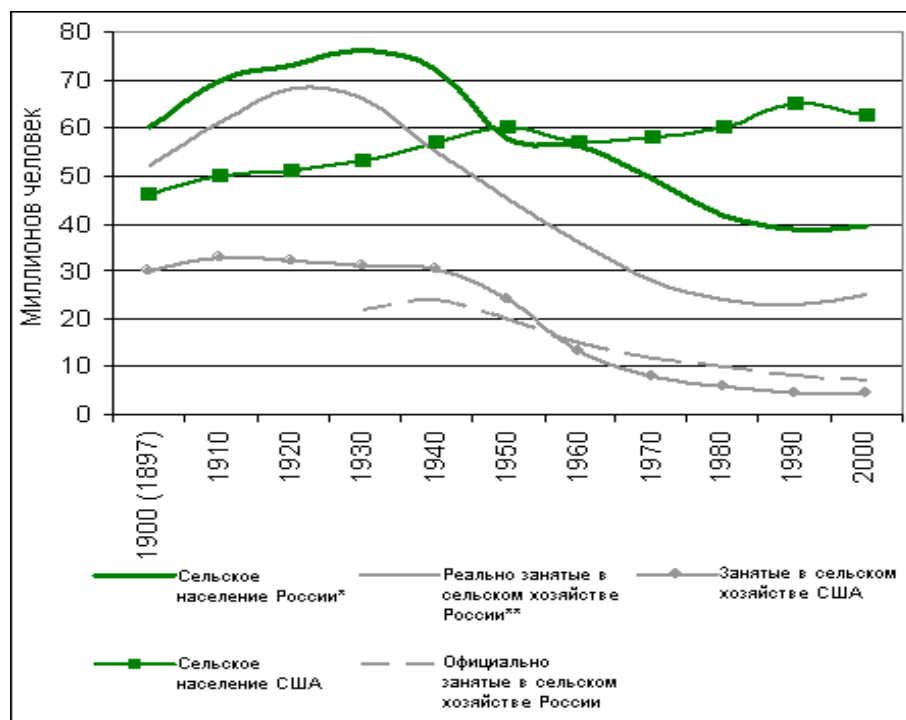

Рисунок 1 - Россия и США: нелинейная динамика сельского населения и занятых в сельском хозяйстве

Примечание: в 1890-1910 годах – Российская империя без Царства Польского, Финляндии, Кавказа и Среднеазиатских областей.

Рисунок свидетельствует, как менялось в XX веке соотношение численности сельских жителей и занятых в сельском хозяйстве в России и Америке. Действительно, в сельской местности США официально насчитывается примерно такая же доля всего населения, сколько числится и в России (четвёртая часть). Однако при этом сравнительно небольшая доля селян обеих стран, занятых в самом сельском хозяйстве: один человек из десяти. Внизу рисунка в хронологических пределах 1900 (1897) – 2000 годов показаны две рядом нисходящие линии колебаний численности занятых в собственных сельских хозяйствах США и России. Остальные трудятся вне сферы сельского хозяйства – главным образом в сфере услуг. И порой на практике собственных приусадебных хозяйств не имеют. При общем численном росте сельского населения в США количество фермеров в последние десятилетия без перерыва сокращалось. В России же до 1990 года численность как селян, так и работников сельского хозяйства сокращалась почти одновременно. Так как не в пример Западу по показателю численности занятых трудом в сельском хозяйстве и вообще жителей сельских территорий североазиатского месторазвития российского суперэтнуса традиционно почти совпадают. «На предприятиях агросектора официально числится более половины занятых в сельской местности, а это 22% сельского населения – в три раза больше, чем в Америке. Добавим к ним сельских пенсионеров, учителей, продавцов, живущих в значительной мере за счет своего подво-

⁷ См.: Нефёдова Татьяна. Городская сельская Россия. URL: <http://polit.ru/article/2004/01/13/demoscope141/> (дата обрац. – 31.05.2018).

рья, и тех, кто официально работает только на нем. Получится, что крестьянским трудом занято всё российское село».⁸

Национально-культурный код североевразийского месторазвития суперэтнуса России порождает авторитарную культуру управления, которая исторически присуща российской цивилизации. Подразумевается выработанная под воздействием кода «индивидуального коллективизма» авторитарная по духу и букве закона геополитическая традиция. Имеются в виду распространённые в масштабах всего евразийского простираения российского суперэтнуса государственно централизованные командно-авторитарные и исторически устойчивые способы самореализации властной элиты страны. И это авторитарная культура управления под скипетром самодержавной сверхцентрализованной власти (князь, царь, император, генеральный секретарь, президент).

В общем, под существенным воздействием кода «индивидуального коллективизма» и авторитарной культуры власти веками продолжается происходящее циклически расселение россиян с Западной части Евразии на Восток и освоение народом-суперэтнсом России всего простираения российской цивилизации. Речь идет об устойчивом ноосферно-синергетическом векторе самых разнообразных природных, антропогенных и общественных процессов месторазвития многонационального российского народа. Процессы протекали на обширных территориях природных и культурных ландшафтов Севера Евразии при многократной смене человеческих поколений и событий, историческая цепь которых образует следующие друг за другом макроциклы жизни сельской России.

Самореализация личности селянина

Вечная нелинейная динамика сельского месторазвития из поколения в поколение нашего многонационального суперэтнуса объективно обуславливает здоровье, другими словами, биопсихосоциальное благополучие наличного народонаселения России. Применительно к анализу проблем исторического развития сельской России речь идет о действительном и действенном североевразийском простираении природных, антропогенных и общественных факторов самореализации этно-национального типа личности, историческая линия развития которого слита с траекториями истории конкретных регионов России и российского народа-суперэтнуса в целом.

Самореализация личности человека осуществляется в биопсихосоциальной форме экспансии его педагогического образования, которое формирует культуру его личности. Этим самым достигается цель самореализации личности – результативное и эффективное осуществление человеком своей социальной роли в рамках выбранной профессии и ценностей здорового образа жизни. В свою очередь, здравоцентристская парадигма позволяет применить геосистемно-гуманитарную оценку, например, агропродовольственной меры мира. Оценить, в частности, сельскую организацию персонального здоровья и качественного питания как важнейшие факторы самореализации человеческой личности в масштабе социально-экологической среды сельской России и месторазвития российской динамичной системы «город-село».⁹

Степень самореализации личности существенно зависит от исторических изменений численности и плотности народонаселения, освоенности пространств и формирования поселенческой сети «город-село», прочих факторов риска здорового образа жизни при североевразийском месторазвитии суперэтнуса России. Только из-за одного сурового резко континентального климата степень самореализации личности россиянина сравнительно невелика. Пусть косвенно, но весьма неблагоприятен для здоровья сельской России такой фактор риска, как низкая плотность населения. «По плотности населения (меньше 9 человек на 1 кв. км) Россия опережает всего 12 стран мира, пустынных, горных или северных, как она сама, и уступает в 2-3 раза Скандинавии и США, в 6-10 раз – соседям по СНГ, в 15 раз – Китаю, в 37 –

⁸ Там же.

⁹ Живая геосистема: вещное и вечное. Книга 2. Агропродовольственная мера мира / Самсонов В.Б., Пашков В.П., Семёнов С.Н., и др.; под ред. В.Б. Самсонова и М.А. Агаповой. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2012. С.98-109.

Японии... Даже исключив необжитые земли, что удвоит плотность на обжитых, мы получим гораздо меньшие показатели, чем у большинства соседей».¹⁰

В современной России самореализация личности именно сельского жителя (крестьянина, фермера, арендатора, кооператора или владельца приусадебного хозяйства) испытывает на себе всю совокупность геосистемно-гуманитарных рисков. Речь идёт о рисках здорового образа жизни на организменном, биосферном, популяционном и социальном уровнях гуманитарной геосистемы «природа-человек-общество». При этом действует хорошо изученный ряд природных, антропогенных и общественных факторов. В их число, как хорошо знают специалисты, входят в первую очередь геофизические факторы (тяготение, гелиопостоянная, атмосфериолитосферы, ландшафт и т.д.). Периодически воздействуют солнечная радиация, температура, приливы-отливы, ветер, осадки и др. Выделяют также биотические факторы (пионерные, соседние и серийные сообщества микроорганизмов, растений, животных) и социоантропогенные (местные объекты преобразованной и искусственно созданной природы, автохтонные и пришлые социумы).

В отличие от горожанина интенсивное взаимодействие сельского жителя с (не)здоровой природной и социально-экологической средой вызывает у него стремление сформировать, сохранить и реализовать свою личность сообразно пространственно-временным особенностям индивидуального и общественного месторазвития того или иного слабо и совсем не урбанизированного села. В сельской глубинке житель практически лишён санитарно-гигиенических удобств, свойственных городским условиям жизни. К тому же сельский житель серьёзно ограничен в выборе и использовании здоровых условий труда и быта.

Исторический ход самореализации личности селянина можно представить следующим образом. В сельской России в ходе личностной самореализации неохватное множество личностей из поколения в поколение трудилось на протяжении своей природосообразной и преобразовательной жизнедеятельности на обрабатываемой ими земле предков. За сотни лет именно личность крестьянина выработала особую русско-российскую культуру земледельческого труда и крестьянского быта. Так сельское месторазвитие нашего многонационального народа-суперэтнуса породило особые крестьянские навыки, обычаи и обряды. В жизненный обиход селянина вошли непереносимые атрибуты успешной самореализации крестьянской личности. Для примера можно перечислить обязательную даже в XX веке атрибутику уклада жизни российского села: соха, телега, изба, печь, самовар, сапоги, валенки, церковь, базар, кладбище, и прочее.

Более чем 200-летний крепостной период самореализации личности русского пахаря завершился в Российской империи эпоху феодализма. Последний постепенно угасал в пределах первой половины XIX века (конституционный проект Сперанского, декабристское восстание, отмена крепостного права). Уже на этом этапе труд общинника и крепостного, как наследие прежних исторических циклов самореализации личности русского человека, стал замещаться трудом наемного рабочего и предпринимателя отечественного толка. Тем не менее, и после известной реформы 1861 г. в переходный (бифуркационный) период своей самореализации российский крестьянин на практике далеко не сразу освободился от пут замкнутой на себя крестьянской общины и крепостной зависимости.

Последние «всплески» исторических циклов противоречивой самореализации личности крестьянина России в качестве общинника или крепостного наблюдались на территориях наследника Российской империи – Советского Союза. Прежде всего, речь идет о периоде между «Великим переломом» в 1929 г. и смертью в 1953 г. «Отца всех советских народов» И.В. Сталина. Так или иначе, в результате излишне принудительной сплошной коллективизации сельского хозяйства страны (к том же и создания известного ГУЛАГа) десятки миллионов крестьян оказались принудительно привязаны к месту своей работы и жительства. В то время как другие советские люди с энтузиазмом и полной личной отдачей по-стахановски рабо-

¹⁰ *Трейнш Андрей*. Россия: население и пространство // Демоскоп Weekly / Электронная версия бюллетеня Население и общество. №95-96, 1-19 янв. 2003. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema01.php> (дата обрац. 31.05.2018).

тали на стройках и промышленных предприятиях во имя светлого будущего себя, своих детей и всей страны. Обывательщина, мещанство, себялюбие и эгоизм не уживались в палатках, бараках, общежитиях и коммунальных квартирах строителей грядущего коммунизма.

По своеобразной оси «центр-периферия» личностной самореализации отеческого суперэтнуса с начала 50-х годов в многонациональной сельской России утверждается обновлённое мощными миграционными потоками расселение жителей села и горожан. К середине прошлого века по этой североевразийской оси различных укладов жизни нашего народа значительная доля народонаселения перемещается с периферии на полупериферию страны. Пик самореализации личности в условиях полупериферийной жизнедеятельности достиг к 1951 г. 37 млн чел., а к 1999 г. – свыше 50 млн (см. *рис. №2*). Это означало усиление исторической тенденции доминирования в социальной среде россиян полусельского или полугородского укладов жизни. К середине и к концу прошлого столетия на долю определённо сельских укладов жизнедеятельности (периферия, дальняя и сверхдальняя периферия) приходилось соответственно около 32 и 45 млн чел. В общем на протяжении второй половины XX столетия большая часть народонаселения (пост)советской России состояла из представителей извечной коренной крестьянской культуры, то есть из сельских жителей или выходцев из деревни.

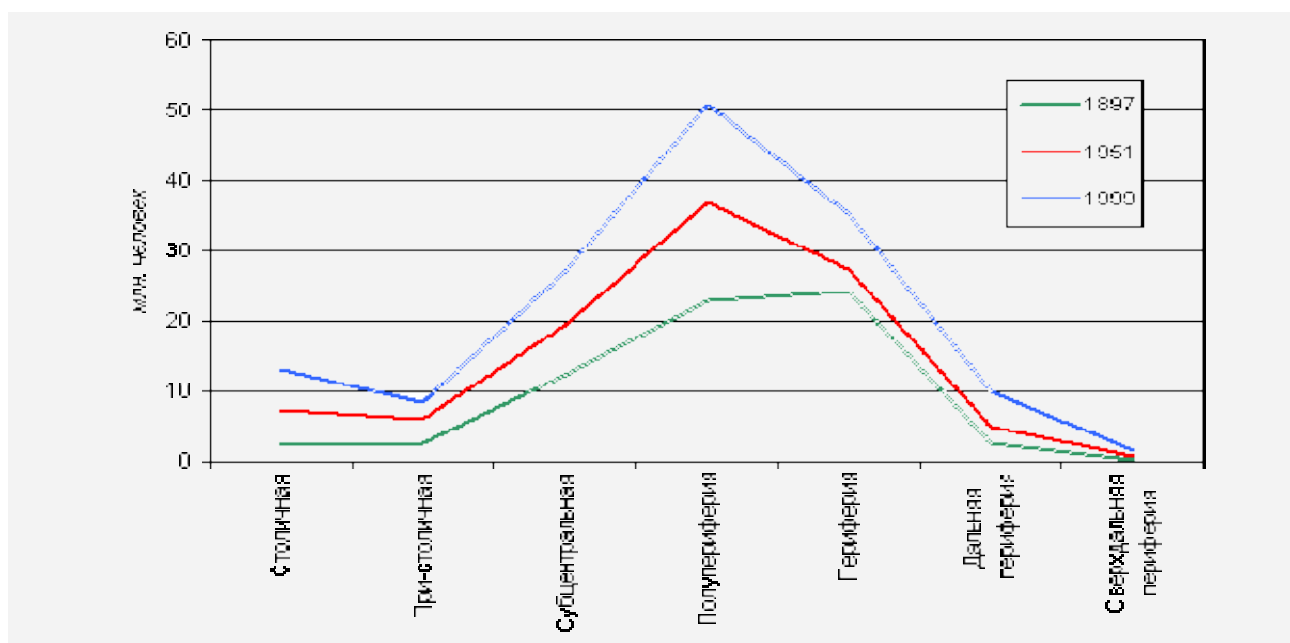

Рисунок 2¹¹ - Распределение народонаселения по оси «центр-периферия» России в XX веке

Мегаполисы в качестве столичных и при-столичных центров Российской Федерации служили и продолжают служить весьма притягательными центрами самореализации личности выходца из деревни, селянина-мигранта. Таких городов-миллионников в стране пятнадцать. И рыночное реформирование, и модернизация их жизнедеятельности сопровождаются процессами отставания в развитии менее значимых административно-культурных центров периферийных субъектов Федерации и даже архаизации сельской глубинки. По данным Татьяны Нефёдовой, в 90-е годы Москва как столичный центр страны увеличил свое население за счет миграции на 1,3 млн чел., что составило треть миграционного прироста нашей страны. Тогда же возросла притягательность староосвоенных, когда-то отдававших своё население районов – Волго-Вятский, Центрально-Черноземный районы, Урал и большинство областей северо-западной и центральной России. Тем не менее, 3/4 территорий периферии

¹¹ Источник: Нефёдова Татьяна. Городская сельская Россия. URL: <http://polit.ru/article/2004/01/13/demoscore141/> (дата обрац. 31.05.2018).

Европейской России заселены слабо, её депопуляция за XX век в два раза расширила зоны редкого населения (1-10 человек на 1 кв. км).¹²

При условии самореализации личности крестьянина-фермера по-прежнему актуальные кооперативные традиции прежнего колхозно-совхозного строя стимулируются властными мерами управления преимуществами североевразийского месторазвития народа-суперэтноса России. Это и текущее рыночное реформирование многонациональной экономики страны, и стратегическое планирование региональных агрохолдинговых сетей, и ситуационное кластерно-сетевое местное самоуправление в историческом ключе национально-культурного кода «индивидуального коллективизма». Поэтому так злободневен самый общий и существенный вопрос о всесторонней самореализации крестьянской личности. В своё время (самый конец 80-х годов) профессор В.Б. Островский (директор Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса АН СССР) сформулировал его очень ёмко: кому быть хозяином на земле?

В общем, философско-практический подход, введённый с новых геосистемно-гуманитарных позиций евразийской концепции, позволяет ответить на поставленный вопрос следующим образом. Настоящим и действительным хозяином на земле является тот сельский работник и селянин, кто землёй фактически владеет, её сам в кооперации с другими селянами обрабатывает и полномочно пользуется полученным урожаем, в результате реализуя свой творческую энергию и всесторонне развиваясь как самостоятельная и активная личность. Причём обязательно сработают совсем не архаичные ментально коллективистские традиции месторазвития коренной сельской России организационные формы повышения производительности труда земледелия, как, кстати, и строительно-промышленного труда. Коллективизм сельскохозяйственной артели был нерушим в патриархальной российской деревне, в практике отходничества крестьян на заработки в город или на «севера», стал основой колхозного строя при сплошной коллективизации сельского хозяйства вплоть до распада СССР. Покойный Владимир Борисович Островский имел также в виду и такие стойкие традиции крестьянско-сельской общины, как самоорганизация народных промыслов и ремёсел, семейный и бригадный подряд, производственная и потребительско-сбытовая кооперация.

* * *

Подведём общие итоги. При реформировании и модернизации сельской России регионов ведущим социальным проводником коллективистско-кооперативных традиций и одновременно семейно-усадебного индивидуализма является типичная фигура частного собственника – крестьянина-фермера. Замкнутость его жизненных интересов на свой семейно-усадебный уклад жизни в рамках своего выселка или хутора закономерно порождают противоречия в личностной самореализации селянина и членов его семьи. Более того, воспроизводимый в постсоветской России капиталистический код «коллективного индивидуализма», как правило, способствует нездоровому национализму и кризису всесторонней самореализации личности на селе. Всё это создаёт большие риски для сельского хозяйства и уклада жизни крестьянина-фермера, особенно в экстремальной обстановке не исключённых на практике неурожаев, угроз голодомора и этно-конфессионального экстремизма.

В условиях противоречиво текущей глобализации и урбанизации сельского месторазвития суперэтноса России столичные и региональные центры модернизации жизнедеятельности субъектов Российской Федерации в русле североевразийского простираня стимулируют рыночное реформирование национальной экономики. Поэтому философско-практический подход к объяснению извечности укоренения и исконности сельского месторазвития суперэтноса России на необъятных просторах северных широт Евразии целесообразно свести к вопросу о национально-культурном коде исторической идентичности североевразийского простираня российской цивилизации. Национально-культурный код «индивидуального коллективизма» и всесторонняя самореализация личности – это гаранты продовольственной

¹² Там же.

безопасности нашей страны и народнохозяйственного импортозамещения и таким образом являются основой дальнейшего стимулирования коренного сельского месторазвития народа-суперэтноса России.

Философская составляющая вводимого автором подхода заключается в ноосферно-синергетическом осмыслении ключевого места российского села в истории нашего многонационального народа-суперэтноса. Практическая составляющая этого подхода означает определение ведущей роли сельской России в общей нелинейной динамике геосистемно-гуманитарного развития суперэтноса нашей Отечества. Таким образом, речь идёт о философско-практическом подходе к практической реализации самобытной евразийской концепции применения ряда исторических закономерностей. В частности, закономерной взаимосвязи между североевразийским простиранием российской цивилизации и, с другой стороны, доминированием именно сельского (не европейского и не азиатского в отдельности) месторазвития нашего многонационального народа-суперэтноса. Чтобы стратегически не допустить критического ослабления продовольственной безопасности страны, а также нарастания разного рода санкций из-за рубежа и тенденций «гибридной» мировой войны.

Список литературы:

1. Живая геосистема:вещное и вечное. Книга 1. Простирание экспансия образования / Самсонов В.Б., Колисник И.И., Кутенков Р.П., и др. Под ред. В.Б.Самсонова. – Саратов: ГА-ОУ ДПО «СарИПКиПРО», 2011. – 196 с. ISBN 978-5-9980-0129-1
2. Живая геосистема:вещное и вечное. Книга 2. Агропродовольственная мера мира / Самсонов В.Б., Пашков В.П., Семёнов С.Н., и др.; под ред. В.Б. Самсонова и М.А. Агаповой. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2012. С.98-109. ISBN 978-5-9999-1543-6
3. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём? Независимый институт социальной политики. Рук. Проекта Н. В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
4. Нефедова Татьяна. Городская сельская Россия. ГКДЖ <http://polit.ru/article/2004/01/13/demoscope141/> (дата обращения 31.05.2018)
5. Проектирование геосистемы: от философии к практике / Самсонов В.Б., Ляпин А.В., Камышев А.П., и др.; под ред. В.Б. Самсонова и Д.В.Прохорова. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2007. - 240 с. В тексте 1 карта-схема, 5 рис., 5 табл.; в приложениях 3 докум., 5 карт-схем, 3 рис. 1 схема, 6 табл, 8 фотогр. ISBN 978-5-91272-1250
6. Простирание геосистемы: теория и практика / Самсонов В.Б., Донецкова Л.А., Камышев А.П., и др.; под ред. В.Б. Самсонова. – Саратов: Изд.НПЦ ЭМОС, 2008. – 163 с. В тексте 1 табл., 1 рис., 1 снимок, 7 формул. ISBN 5-9295-0018-5.
7. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия молодая», 1994.
8. Самсонов В.Б. Геоноофилософия управления будущим // В.И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / Под науч. ред. А.И. Субетто и В.А. Шамахова. В 3-х томах. Том 2. – СПб.:Астерион, 2013. 588 с. [в 3-х т. 1742]
9. Трейвиш А. Россия: население и пространство // Демоскоп Weekly/ Электронная версия бюллетеня Население и общество. №95-96, 1-19 янв. 2003. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema01.php> (дата обращ. 31.05.2018)
10. Худяков Г.И. Концепция ноосферных структур. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 112 с.